

УДК 82.0

АСТРАЛЬНЫЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В РОМАНЕ А. ИВАНОВА

«ГЕОГРАФ ГЛОБУС ПРОПИЛ»

Садомова Т.В.

Внимание в исследовании обращено к астральным мотивам и образам в романе Алексея Иванова «Географ глобус пропил». Рассматривается их роль и функционирование в произведении, что способствует получению более полных представлений о художественном мире писателя.

Ключевые слова: Алексей Иванов, символ, образ, небо, тишина, мифология, пространство, метафоричность.

ASTRAL MOTIVS AND IMAGES IN THE NOVEL OF

ALEXEI IVANOV “THE GEOGRAPHER DRANK HIS GLOBE AWAY”

Sadomova T.V.

The focus of the study is addressed to the astral motifs and images in the Alexey Ivanov’s novel “Geograph globus propil” (The geographer drank his globe away), their role and functioning in the novel are discussed. This contributes getting more complete introduction of the writer’s artistic world.

Keywords: Alexey Ivanov, symbol, image, sky, silence, mythology, the space, metaphoric.

Алексей Иванов – чрезвычайно популярный писатель на сегодняшний день. Он дебютировал в начале двадцатого века, а к середине первого десятилетия стал одной из ведущих фигур современной русской литературы. В своих романах он стремится показать Урал как культурно-историческую и природно-географическую территорию, которая играла ключевую роль в истории Отечества. Отсюда тенденция А. Иванова к пейзажным описаниям. В романе «Географ глобус пропил», кроме многочисленных описаний природы, отдельно выделяются астральные символы и образы, которые помогают глубже раскрыть замысел произведения и мироощущение автора.

Довольно часто в романе появляются описания неба, с помощью которых А. Иванов показывает бескрайность, безграничность мира. В основном писателя привлекают переходные состояния природы. Так, например, А. Иванов описывает закат: «А закат разгорелся всеми красками, что остались не израсходованными за уходящий год. Угольно-красное, дымное солнце висело над горизонтом. Небо отцветало спектром: лимонно-желтая узкая полоса заката плавно переходила в неземную, изумрудную зелень, которая в зените менялась на мощную, яркую, насыщенную синеву. И к востоку концентрация этой синевы возрастала до глубокой черноты, в которой загорелись звезды» [3]. Писатель отмечает малейшее изменение неба, различный спектр цветов и оттенков. Однако он не просто передает различные цвета, а также описывает мгновенные изменения на небе: солнце, которое скоро зайдет за горизонт, и только загорающиеся первые звезды. В таких пейзажных картинах представлено множество эпитетов, часто гиперболизированных: солнце не просто красное, а дымное; «мощная, яркая, насыщенная синева», как будто А. Иванов описывает не закат, а космический взрыв, где все меняется за одну секунду. Вместе с тем писатель употребляет физические термины для передачи трансформации неба (спектр, концентрация). Это сочетание поэтических и научных терминов придает пейзажу некое неземное, фантастическое начало, словно он описывает не небо, а другую галактику.

Действительно, в пейзажных картинах А. Иванова нередко прослеживается «геокосмическое чувство» [1]: «Темнота словно бы поднималась из глубины земли, из глубины реки, как подпочвенная вода. Уже затлели искры бакенов на черной равнине Камы, а небо все еще оставалось светлым, и от этого всем было видно, как же оно высоко – так долго приходится добираться до него тьме. Но тьма все-таки добралась и погасила небо, оставив лишь огни звезд – так во время прилива над водой остаются верхушки камней» [3]. Здесь, как и во многих других описаниях, природное явление представляет собой живой процесс. Темнота, поднимающаяся «из глубины земли», ассоциируется с потусторонней силой, пришедшей из темного царства. Она захватывает небо и

гасит его, оставив лишь звезды как символ чего-то светлого, надежды, что темнота все-таки скроется. Однако мастерство А. Иванова проявляется еще и в том, что он весь этот процесс сравнивает с приливом. Тем самым он в одной пейзажной картине объединяет небо, воду, землю. Он показывает, что процесс, происходящий в одной из стихий, находит зеркальное отражение в другой: «так во время прилива над водой остаются верхушки камней» [3].

Вообще, в описании звездной ночи или заката автор тяготеет к некому мистицизму, внеземному ощущению: «Закат стекает к горизонту, и над еловой пилой гаснет последняя багровая полоса. Четыре зубца Семичеловечьей еще освещены, а остальное заволакивают сумерки. По затопленному лесу на другом берегу пробираются гривы тумана. В воздухе словно плавают призраки – как тени, отслоившиеся от вещей. В насыщенной синеве неба над хищными елками ярко зажигается Луна – белое волчье солнце» [3].

В описании А. Иванова очень тонкая грань между реальностью и вымышленным миром. Сначала он запечатлевает последние мгновения заката, когда «гаснет багровая полоска», постепенно заволакивает тьма скалу, вот только она была освещена, как уже три зубца поглотили сумерки. Он пытается через данное описание проникнуть в настоящую суть предмета. Видит в небе потусторонний мир, в котором царят тени-призраки, и всходит луна. Луну он сравнивает с белым волчьим солнцем, через это сравнение ощущается некий мистицизм. К тому же луна оказывается границей двух миров: реального и потустороннего, земного и небесного. Недаром он называет ее «волчье», во многих культурах волк относится к темному миру. Полнолуние ассоциируется с чем-то таинственным и загадочным, а волк, воющий на луну, символ вселенского одиночества. Быть может, такие чувства испытывал главный герой романа Виктор Служкин, на что и намекает А. Иванов.

Звездное небо открывает глаза на мир главному герою, когда он остается наедине с природой и самим собой. Он разочарован в жизни, ему надоели постоянные унижения со стороны учеников и холодность жены. Служкину некуда пойти, и он выходит к старым качелям. Остается только природа, к

которой он обращается за помощью. И перед ним предстает следующая картина: «В Грачевнике стояла морозная, черная тишина, чуть приподнятая над землей белизною снега. Тучи над соснами размело ветром, и кроны казались голубыми, стеклянными. Дьявольское, инфернальное небо было как вспоротое брюхо, и зеленой электрической болью в нем горели звезды, как оборванные нервы. Служкин свернул с тропы и побрел по мелкой целине, задрав голову» [3].

Сочетание черного и белого, тишина природы дают ему понять, что природа равнодушна человеку, она не даст ответы на его вопросы. Небо, сравниваемое с преисподней и дьяволом, не может быть в единении с человеком. Однако именно оно открывает ему глаза на мир: «Прежнее состояние вялого, безотрадного сна, в который погружен мир, – это состояние самого Служкина, в действительности мир, который наконец–то увидел герой, – грозный и беспощадный, требующий от человека забыть о себе» [2]. Кроме того, в этом маленьком пейзаже отражается душевный кризис героя, который при посторонних людях выглядит неунывающим шутником. Именно «звезды как оборванные нервы» передают эмоции героя, его отчаяние.

«Снег вокруг взвихрился, белым пуделем заметался вслед размахам. Служкин раскачивался все сильнее и сильнее, то взлетая лицом к небу, то всей грудью возносясь над землей, точно твердь его не притягивала, а отталкивала. Небосвод как гигантский искрящийся диск тоже зашатался на оси. Звезды пересыпались из стороны в сторону, оставляя светящиеся царапины. Со свистом и визгом ржавых шарниров Служкин носился в орбите качелей – искра жизни в маятнике вечного мирового времени. Разжав пальцы в верхней точке виража, он спрыгнул с качелей, пронесся над кустами как черная, страшная птица и рухнул в снег» [3].

Эта картина дана с разных ракурсов. А. Иванов смог показать то, что видел в этот момент Служкин. Именно «гигантский искрящийся диск» представлен перед его глазами, когда он раскачивается на качелях и окружающий мир проносится вокруг него. Также и звезды «пересыпаются из стороны в сторону»,

как будто кивая в знак одобрения, оставляют царапины, потому что движение качелей слишком быстрое. Наверное, именно в этот момент Служкин почувствовал себя по-настоящему свободным, легким, он пришел в восторг, недаром начал раскачиваться «все сильнее и сильнее». Он словно на несколько мгновений ощутил себя частью этого неба и мира. И в конце он, превращаясь в «черную, страшную птицу», смог увидеть и оценить красоту и прелесть этого мира.

В другой картине можно увидеть застывшую природу: «Лес – словно дворец без свечей, с высокими сводами, с отшлифованным до блеска паркетом. Ощетинившееся звездами небо закрыто еловыми вершинами. Оно просеивается вниз полярным, голубоватым светом. Я стою и слушаю, как в полной тишине беззвучно течет время, текут реки, течет кровь в моих жилах. Огонек моей сигареты – единственная искра тепла во вселенной» [3].

Здесь пейзаж величественный и мрачный. Лес сравнивается с «дворцом без свечей», то есть такой же холодный неуютный, пустой. Он стоит глухой ко всему. Ни одно дерево не шевельнется, ни одна ветка. Такое же и небо, оно пытается огородиться от внешнего мира ветками. Звезды – это уже ни маленькие источники света, как они предстают в других описаниях. «Ощетинившиеся», словно псы, они охраняют покой неба. Природа погасла в полной тишине. Служкин остался наедине с собой и огоньком сигареты.

Порой А. Иванов при описании небесных светил опирается на мифологию. А именно на язычество племен манси. Недаром Служкин, любясь космическим небом, видит в нем языческие названия созвездий: «Никого нет. Я достаю недопитую бутылку. Я пью водку. Зеленая карета катится над черной просекой. Она катится над старыми горами, которые осели и рассыпались, обнажив утесы, – так истлевают плоть, обнажая кости. Карета катится над волшебной тайгой, сквозь которую пробираются темные, холодные реки. В небе одно на другое громоздятся созвездия. Я гляжу на них. У меня есть собственные созвездия, мои. Вот они – Чудские копи, Югорский Истукан, Посох Стефана, Вогульское копье, Золотая Баба, Ермаковы Струги, Чердынский

Кремль....» [3]. В этой картине также сосредоточены три стихии: земля, вода, небо. Интересно, что вначале Служкин охватывает глазами огромное пространство земли: просеку, горы, тайгу. Он сравнивает растительность с «зеленой каретой», которая летит по миру, оставляя за собой зеленый покров. Далее учитель географии говорит о «холодных реках», которые пробиваются, словно из потустороннего мира, подобно реке Стикс, в земное начало. Однако особое внимание Служкина привлекло небо; находясь под впечатлением, он проникается его тайной, словно попадает в древний мир. И, несмотря на взгляды ученого (и современного человека), он добавляет в это небо свои созвездия, названия которых давно забыты. Он будто захватил их с собой с земли и пытается расположить на небе, заслоня привычные созвездия, которые «громоздятся одно на другое».

Природный мир предстает как живой за счет метафоричности. Небесный мир – это творческая стихия. В описаниях можно увидеть то вечер, который как художник раскрашивает облака в цвета «тропических рыб», пририсовывая им плавники, будто собирается отправить их в дальнейшее плавание, то ветер лепит из валунов облаков причудливые фигуры: «Ветер расчистил небо, слепив остатки облаков в несколько грандиозных массивов. Их лепные, фигурные, вычурные башни висели в неимоверной толще химически-яркой синевы» [3]. А. Иванов выбирает необычную метафору («химически-яркая синева), то есть цвет насыщен до такой степени, что оно выглядит нереальным. Создается впечатление, что кто-то добавил синей краски больше обычного.

Итак, астральные пейзажные картины в романе помогают глубже раскрыть художественный метод Алексея Иванова.

Список литературы:

1. Абашев В.В., Абашева МП. Чужие сны о мяндаше (конспект о поэтике Алексея Иванова) [Электронный ресурс] // Netess.ru [сайт]. 2013. URL: <https://bit.ly/3mQx7rP> (дата обращения: 06.11.2021).

2. Долгих Т. Основные мотивы романа Алексея Иванова «Географ глобус пропил» [Электронный ресурс] // Филолог. 2003. Вып. 4. URL: <https://bit.ly/3bJSKDQ> (дата обращения: 06.11.2021).

3. Иванов А.В. Географ глобус пропил [Электронный ресурс] // Lib.Ru. Библиотека Максима Мошкова [сайт]. 10.01.2006. URL: <https://bit.ly/3bNok3G> (дата обращения: 06.11.2021).

Сведения об авторе:

Садомова Татьяна Вадимовна – студентка 5 курса филологического факультета Дальневосточного государственного гуманитарного университета (Хабаровск, Россия).

Data about the author:

Sadomova Tatyana Vadimovna – Faculty of Philology 5th year student, Far Eastern State University of Humanities (Khabarovsk, Russia).

E-mail: tatyana2990@mail.ru.